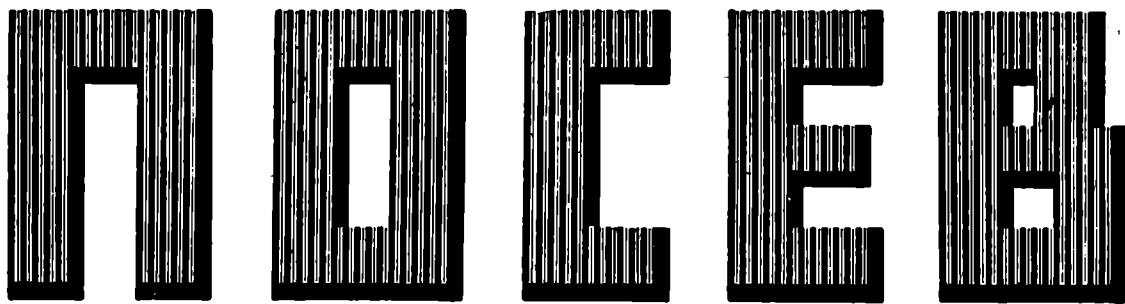

ГОД ИЗДАНИЯ XIII

№ 36 (591)

ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Jahrg. 13 - Nr 36 (591)

Russische Wochenzeitung • POSSEV-Die Aussaat • Frankfurt M., Merianstr. 24a

Sonntag 8. 9. 1967

ВОСКРЕСЕНЬЕ
8 СЕНТЯБРЯ 1957

О предстоящей конференции „Посева“

На начинающейся неделе состоится очередная ежегодная конференция «Посева».

На конференции будут прочитаны и обсуждены:

1. Доклад Е. Р. Романа — «Перспективы современного этапа революционно-освободительной борьбы в России».
2. Доклад Л. И. Винянского (польского политического деятеля) — «Идеологическая и политическая борьба в странах «народной демократии».
3. Доклад Ференца Видовича (венгерского политического деятеля, участника революции 1956 года) — «Политический опыт Венгерской революции».
4. Доклад А. В. Светланина — «Первоочередные мероприятия по переустройству государственной жизни России».
5. Доклад А. П. Столыпина — «Внешняя политика освобожденной России».

Как и в прошлом году, в предстоящей конференции примут участие наряду с представителями российских политических и общественных организаций представители антикоммунистических организаций свободного мира, политические и общественные деятели стран Европы, Северной и Латинской Америки и Азии.

На встрече иностранных участников конференции состоится дискуссия о стратегии борьбы свободного мира против коммунизма.

Хрущевские наручники для литературы

В центре внимания советских центральных газет в последнее время тема: Хрущев как наставник и тренер советских писателей и работников искусства.

Журнал «Коммунист» в номере 12 напечатал под заголовком «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» — «сокращенное изложение» выступления Хрущева «на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 года, на приеме писателей, художников, скульпторов и композиторов 19 мая 1957 года, на партийном активе в июле 1957 года».

«Совещание писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 года» происходило накануне драматического Третьего пленума правления Союза писателей СССР, на котором писатели с независимым мышлением отказались выступить с покаянием в своих «грехах» («подвиг молчания»). Самый факт проведения этого совещания был обнародован недавно: газеты называли его «совещанием с активом писателей в ЦК КПСС». Что касается таинственного «партийного актива в июле 1957 года», то тут все покрыто мраком неизвестности: какой партийный актив (какой организации), по какому случаю созывался? Что вынудило Хрущева апеллировать по вопросам литературы и искусства к партийному активу?

Имеющие удобопочитаемый вид «речи» Хрущева, косноязычного и невежественного, несомненно представляют собой плод работы какой-то «бригады заавтсров» (в советском журналистском мире существует ироническое деление пишущих на три категории: авторы, соавторы и заавтсры) при ЦК КПСС. Стилизованы «речи» Хрущева, однако, только по форме. По содержанию из них торчит рыло градоначальника города Глухова, который, как известно, въехал в город на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки. По грубой примитивности насилия над писателями, по реакционности и террористичности новые установки партийного руководства в отношении литературы и искусства, выраженные в «речах» Хрущева, пожалуй, превосходят даже ждановщину.

«Речи» Хрущева по некоторым «откровениям» в области внутренней (в частности, экономической) политики нынешнего руководства КПСС, по хрущевскому толкованию «идеологической работы» и «разъяснению» Сталина заслуживают особых статей, и в этом

плане мы к ним еще вернемся. Здесь остановимся только на «новой» линии в отношении литературы и искусства.

Хрущев усматривает одну из причин нынешних «ошибок» писателей в неправильном восприятии критики партией культа личности Сталина. «В среде интеллигенции нашлись отдельные люди, которые начали терять почву под ногами, проявили известные шатания и колебания в оценке ряда сложных идеологических вопросов, связанных с преодолением последствий культа личности». Объявив о том, что в деятельности Сталина было две стороны — «положительная» и «отрицательная», Хрущев затем, видимо, вспомнив о веселых анекдотах, которые ходят по стране, пустился в сентиментальность: «Мы были искренними в своем уважении к И. В. Сталину, когда плакали, стоя у его гроба».

Хрущев ободрил тех «писателей, которые годами упражнялись в лизании сталинских сапог, заявив, что «авторы таких произведений делали доброе дело, они хотели хорошего нашей партии», и прикрикнув на тех, кто «ранее не участвуя активно в борьбе за наше дело... стали поносить и порочить работников литературы и искусства, прославлявших успехи, достигнутые нашим народом под руководством партии», тех, кто «придумали и пустили в обиход такое бранное словечко, как «лакировщик». Хрущев косвенно признал политическую причину самоубийства Фадеева, заявив, что критику культа Сталина «из писателей... особенно глубоко переживали те товарищи, которые были ближе всего к партии, к Центральному Комитету и, следовательно, к Сталину».

Хрущев злобно анафематствовал В. Дудинцева за его роман «Не хлебом единым», журнал «Новый мир», альманах «Литературная Москва», писательницу Алигер, «которая до сих пор при-

держивается того взгляда, что линия альманаха «Литературная Москва» была, якобы, правильной» (Хрущев при этом «наградил» Соболева как известного, выступившего на Третьем пленуме правления Союза писателей с предательской по отношению к своим коллегам-писателям речью, заявив, что ему, Хрущеву, «ближе позиция беспартийного писателя тов. Соболева, чем члена партии тов. Алигер, которая занимает фальшивую позицию и неправильно относится к критике ее ошибок»). Вспомнил Хрущев и о «некоторых недостатках» Твардовского, «дружеские беседы» с которым дают ему «основания надеяться, что этот художник слова сделает необходимые выводы и порадует читателей новыми хорошими произведениями». Сказал он и о «недостатках» Панферова.

Наибольшее же значение имеет «установочная» часть «речей» Хрущева, в которой объявляется заигрывание гаек.

Объявив о существовании людей, которых «оказываются, тяготит руководство литературой и искусством со стороны партии и государства» и которые «выступают против этого руководства иногда прямо, а чаще всего прикрывают эти свои настроения и желания разговорами об излишней опеке, о сковывании инициативы и т. п.», Хрущев заявил, что «такие взгляды противоречат ленинским принципам отношения партии и государства к вопросам литературы и искусства» и что, в частности, «партия... решительно выступает против тех, кто пытается использовать ошибки прошлого для выступлений против руководства литературой и искусством со стороны партии и государства». Угрозой террора звучат его слова: «С таких позиций против руководства литературой и искусства могут выступать только люди, не согласные с политикой партии в этой области». Он особенно напал на писателей — членов партии, которые «не желают согласовать свои поступки с требованиями партийной дисциплины, определяемой Уставом партии, придерживаются своего субъективистского толкования партийной дисциплины и обязанностей членов партии, прикрывая свое непартийное поведение болтовней о якобы «творческом отношении» к партийному руководству».

Хрущев углубил террористическую линию искусственного связывания независимых мыслящих писателей с партийными «фракционерами» — с определенной целью запугать писателей. «Личные недостатки Сталина — заявил он — были использованы во вред нашему делу заклятым врагом партии и народа провокатором Берия. Большая вина в этом деле лежит и на т. Маленкове, который подпал под полное влияние Берии, был его тенью, был орудием в руках Берии. Занимая высокое положение в партии и государстве, т. Маленков не только не сдерживал И. В. Сталина, но очень ловко пользовался слабостями и привычками Сталина в последние годы его жизни. Во многих случаях он толкал его на такие действия, которые заслуживают строгого осуждения».

Хрущев недвусмысленно дал понять, что будет проведена чистка в редакциях

журналов и издательств и что на все редакции будет еще теснее надет намордник коммунистической цензуры. «Редакции ряда литературно-художественных журналов и руководители некоторых издательств оказались не на высоте положения, в ряде случаев сползали с принципиальных позиций». «Некоторые печатные органы Союза писателей вместо того, чтобы последовательно отстаивать принципиальную линию в литературе, оказались под сильным влиянием отдельных людей, стоящих на неправильных позициях, и, по сути дела, стали проводниками нездоровых настроений и тенденций». «Мы не можем отдавать органы печати в ненадежные руки, они должны находиться в руках самых верных, самых надежных, политически стойких и преданных нашему делу работников».

Хрущев объявляет размежевание и «призыв к борьбе», ссылаясь на «урок венгерских событий, когда контрреволюция использовала в своих грязных целях некоторых писателей». Хрущев предлагает докапываться, «является ли ошибка того или иного деятеля случайной, или она отражает систему его взглядов, определенную линию его поведения».

Хрущев объявляет задачей писателей быть «верными друзьями, помощниками, надежной опорой в идеологической борьбе» и устанавливает главным в работе писателей — показ «положительного, нового и прогрессивного».

Он разрешает и критику, но критику только такого рода, которая должна «укрепить наш советский строй». С вопросом о свободе творчества он разделяется просто и коротко: «для художника, который верно служит своему народу (читай: партийной власти. — Ред.), не существует вопроса о том, свободен или не свободен он в своем творчестве».

*

Партийная печать устроила «танец индейцев» вокруг «речей» Хрущева, уже называя их «историческими». «Правда» посвятила «речам» Хрущева две передовых. Передовыми откликнулись также «Литературная газета», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета» от 31 августа и 3 сентября поместила на первых страницах «отклики деятелей литературы и искусства». На свет снова выплели все литературные бездарности и партприживальщики. Как-то Иваны Шамякин, Ефимы Пермитины, Г. Кунгуровы, Ю. Збанацкий, Сергей Сартаковы, которых газета называет «писателями», развели целую кадильницу вокруг «эстетической программы», выдвинутой в выступлениях Н. С. Хрущева... замечательного примера творческого развития марксизма-ленинизма». Из известных писателей опаскудились только В. Катаев, Ф. Гладков, А. Караваев. Впрочем, эти уж давно продали свою душу дьяволу. Из оппозиционных писателей не устояли перед угрозами и домогательствами только А. Бек и А. Яшин, напечатав в газете жалкие слова о «справедливой критике».

Все другие видные оппозиционные писатели, писатели и критики, сохранившие честь, — В. Дудинцев, В. Каверин, К. Паустовский, А. Твардовский, Л. Леонов, Е. Евтушенко, М. Алигер, В. Кетлинская, Д. Гранин, В. Казакевич, А. Турков, В. Кардин, О. Берггольц, А. Крон, Н. Жданов, В. Панова, даже К. Федин, К. Симонов, М. Шолохов, И. Эренбург — не постеснялись с излиянием своих восторгов по поводу приготовленных для литературы новых партнаручников. Они снова молчат. И это молчание красноречивее всяких слов.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

А. Светов. — Проблемы разоружения. — А. Поплюйко. Тощий год целины. — Е. Гаранин. — Ответственность за агрессию. — Л. Федоров. «Зреет, зреет гнев в народе...» — С. Кирсанов. «Соревнование двух систем» внутри СССР. — Н. Хохлов. Право на совесть. — В. Гришин. Поборник права. — Шаги З. Н. Трушнович и Я. А. Трушновича с целью добиться освобождения д-ра А. Р. Трушновича. — А. Н. Независимость Малайи. — Е. Андреевич. Вокруг встречи: Хрущев-Тито.